

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛА

Книга Николая Рачкова «О Родине, о жизни, о любви» очень личная. Поэт рассказывает о главном — заветном и сокровенном — о том, что отражено в названии. Сборник объёмный — 660 страниц. И в каждом стихотворении ощутимо авторское клеймо мастерства и готовности ответить за каждое слово перед миром земным и миром небесным.

Рассказывая о себе, Рачков рассказывает о тех, кто родился в сороковые и пятидесятые годы минувшего столетия не в столичном роддоме Грауэрмана, а в крестьянской избе, в поселковой больнице, в колхозном поле во время страды. На пространствах от Калининграда до Владивостока нас таких много. Книга итоговая — из неё явствует, что Рачков всю жизнь писал исповедь поколения, не ставя, между прочим, перед собой подобной сверхзадачи. Так получилось. Иначе получиться не могло, ибо он — плоть от плоти послевоенной эпохи. Мы не только дети священной войны, но и дети великой Победы. И ещё поэт осознаёт, что талант — не только Божий дар, но и тяжкий крест...

Получив эту книгу и начав её читать, я послал автору четверостишие:

*Пусть зимой не поёт соловей —
отчего ж мои слёзы так сладки?
Друг, я плачу над книгой твоей,
где на каждой странице закладки.*

На что поэт шуточно отреагировал — хорошо, что не заплатки. Смеюсь в ответ — в заплатках нет необходимости. А скупая мужская влага и вправду проступала при чтении. Это были слёзы общей боли и общей радости, а также слёзы от понимания разницы: мой отец после двух ранений вернулся домой в 1943-м (я появился на свет в 1945-м), а отец и сын Рачковы на Земле так и не встретились — отец ушёл на фронт, когда сын находился в чреве матери.

*Когда над Родиной набатом
Бедка качнула небосвод,
Отец мой стал простым солдатом
В тот страшный сорок первый год.*

*Идя сквозь слёзы, кровь и пепел,
Чьё сердце гневно не дрожит?
Не знаю, где он пулю встретил,
Не знаю я, где он лежит.*

*И чья рука его зарыла,
Песок иль глину постеля.
Но знаю, что его могила —
Вся им спасённая земля.*

Как необходимо этот поэтический образ закольцевал прозрение поэта-фронтовика Сергея Орлова!

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат.
Всего, друзья, солдат простой
Без званий и наград...*

А воспоминания о послевоенном детстве у нас общие. Некоторые детали совпадают абсолютно. Некоторые строки — дословно. Рачков: «... и мама, молодая-молодая, // Другой такой не вспомню никогда я...». Алешков: «... и мама, молодая-молодая // ведёт меня навстречу тишине». Рачков: «Я был в раю, // Но я не знал об этом». Алешков: «Я б навсегда остался в детстве, // как ангел в сказочном раю». Рачков: «Кроме Родины нет // ничего у меня за душою». Алешков: «Кроме родины нету// у меня ничего!» О заимствованиях в данном случае не может быть и речи. Мы познакомились в начале нулевых, не зная ранее стихов друг друга. Не сомневаюсь, что подобные совпадения есть и у других стихотворцев нашего поколения. Эти повторения неизбежны. Они пришли к нам из воздуха того времени, из атмосферы грандиозной эпохи, когда не хватало хлеба, но хватало всеобщей христианской любви — прежде всего, к нам — детям войны и Победы. Нас любили всем селом, а за озорство порой и наказывали всем селом. Колхозный конюх, потерявший на войне ногу, учил кого-то из нас запрягать лошадь. Солдатская вдова угощала парным вечерним молоком, когда ты «встречал» её корову из стада.

*Тихой речки прозрачное устье.
Городок на горе. Купола.
Столько счастья, и боли, и грусти
Ты мне, Родина, в детстве дала! —*

пишет Николай Рачков. Его стихи настолько прозрачны и понятны, что в особых комментариях не нуждаются, поскольку полнокровно говорят сами за себя. Их простота — волшебная. Она проистекает из деревенского фольклора, услышанного в детстве, из традиции русской классики, которую Николай Борисович изучил вдоль и поперёк, как и славную историю родного Отечества, как и «великий и могучий» язык его. За этой простотой стоит ясность, которая по выражению Л.Н. Толстого есть «удовольствие ума». Мне кажется, формулировка Льва Николаевича годится

для любого вида искусств. Таков Пушкин, таков Моцарт. Ясность не отменяет, а усиливает смысл написанного, изображённого, прозвучавшего, а также глубину и неоднозначность переживаний и автора, и его героев. Рачкову незачем упражняться в словоблудии современного постмодернизма, стремящегося только к самоутверждению и, что ещё хуже, к эпатажу. Помня об истинной — божественной — сути Слова, он пишет:

*Исчезнет всё. Но не оно.
Не отречётся, не разлюбит.
Тая бессмертия зерно,
Оно кричать о жизни будет.*

*И вспыхнет из забытых снов,
Из хаоса слепых молекул.
И колокольно, властно — вновь
Оно над новым грянет веком.*

*И человек над синью вод,
В объятьях девственного дола
И выстрадает,
и поймёт
Предназначение глагола.*

*Чтоб вновь, с душою во хмелю,
Ресницы опуская ниже,
Всей грудью выдохнуть:
— Люблю...
И задохнуться:
— Ненавижу...*

Приоритет художественной цельности и ясности ныне приходится доказывать ценителям массового «искусства» и проповедникам «другой» поэзии и «другой» прозы, признающих только авангард и, по сути, отвергающих преемственность классики, забывая почему-то, что МЫ это уже «проходили», когда ОНИ пытались «сбросить Пушкина с корабля современности». В этом споре поэзия Николая Рачкова остаётся чрезвычайно актуальной, а творческая позиция нестигаемой. Вот пример — всё-то знающая и понимающая литературная дама отчитывает поэта из провинции, зашедшего в редакцию журнала, где она «заведует» вкусами:

*Это — нето и перепето.
Нынче надо писать не так.
Исполины
среди поэтов —
Это Бродский и Пастернак.*

*И о Родине неприлично,
Чтобы громко, в полную грудь.
Риторично. Непозэтично.
Нетипично. Не в этом суть.*

*Очень, очень стихи простые.
Поискусней бы.
Посложней...*

*А глаза у неё пустые.
... И зачем я вспомнил о ней?*

Да, лучше бы — пройти мимо и забыть, как дурной сон, если бы пристрастия подобных дам замыкались в своём кругу. Но они распространяются не только на весь литературный процесс, но, к сожалению, навязываются и в образовании, влияя на молодую поросль отнюдь не патриотично. Вопреки, кстати говоря, призывам к патриотизму из самых высокопоставленных уст...

Не менее важная задача поэта Николая Рачкова — поведать о своём понимании русской истории и государственности, о предназначении и тревогах русского мира — поведать так, чтобы задеть читателя за живое, чтобы «лучшие слова стояли в лучшем порядке», если речь идёт о ремесле. И ему это удаётся.

Предназначение 1/6 части земной суши, называемой в прошлом Российской империей, потом Советским Союзом, ныне Российской Федерацией (враги позиционируют её как «империю зла»), — стоять насмерть между враждующими цивилизациями Востока и Запада, принимая удары на себя с обеих сторон и спасая мир. Называть этот исторический факт случайностью легкомысленно.

*Может быть, в стуже земной,
Ложью пропахшей и кровью,
Мир и спасётся одной
Нашей несчастной любовью...*

И далее, размышляя о причинах стояния между...

*Зачем такая доля,
Её и соль, и сладость?
На то не наша воля,
На то не наша власть...*

Не наша — значит, Господня. Так считают русские духовники и провидцы. Так считает поэт Николай Рачков. Причём о богоизбранности у него — ни строчки. Только надежда, только догадка — именно потому, что «на то — не наша воля». О богоизбранности есть кому декларировать без нас. Иногда эти декларации оборачиваются нацизмом. А мы-то знаем, что перед Богом все равны. «Да, мы другие...» пишет Рачков и продолжает:

*Наших младенцев топтали копытом коня,
В избах сжигали, утюжили из автомата.
Мы их младенцев, рискуя собой, из огня,
Из-под бомбёжки тащили к дверям медсанбата.*

Может быть, именно поэтому в минуты, часы и годы испытаний наши святые во главе небесного воинства помогают нам. «Враг был сильней.//Но победили мы», — свидетельствует поэт. Так было не раз и в века минувшие. Тропу к желанному Китежу

Батью показал один из предателей-иуд. «Оставалось несколько сажений!» , — пишет поэт, но исчез чудо-град у завоевателя на глазах. И «скрипнул хан от ярости зубами», приказав, чтобы иуды «подохли в муках в жидкой яме // Каждый с переломанным хребтом». Что же оставалось завоевателю кроме неожиданного прозрения о «бесмысленности пути»: «Вот он, локоть — // укуси попробуй. // Вот он, Китеж — // ну-ка, захвати!». Что-то подобное случилось и с Наполеоном, позорно бежавшим из горящей и пустой Москвы.

Однако — на Бога надейся, а сам не плошай. Во вторую мировую наши отцы и матери превзошли врага неимоверной стойкостью, самоотверженностью, терпением, способностью собраться в один кулак вокруг командира взвода на линии огня, вокруг маршала на Курской дуге, вокруг народного вождя, не покинувшего Кремль во время эвакуации, вокруг начальника цеха на заводе, вокруг колхозного председателя в лице русской бабы, у которой мужик был на фронте... России помогала тогда и Небесная заступница — икона Казанской Божией Матери, о чём свидетельствует история. И пусть что угодно плетут о нас мифотворцы из пятой колонны — именно мы спасли Европу от фашизма! Приходится об этом напоминать, ибо всё чаще нашу пассионарность (по Гумилёву) пытаются оспорить с пеной у рта ближние и дальние «партнёры»?

Матери наши — особая статья. Весь тыл держался на таких, как бабка Пелагея из стихотворения Рачкова:

*Семерых она взрастила
В неизбывной доброте.
Тихо лоб перекрестила,
Прошептала: «Слава Те...»*

*И опять: «Ну, дай же, Боже...»
Вот её пропал и след.
Эти старые калоши,
Этот плюшевый жакет.*

*Эти окна сельсовета,
Да в бурьяне колея.
Эта жизнь — комочек света
В грозной бездне бытия!*

Но судьбоносных испытаний в российской истории оказалось больше, чем, казалось бы, можно выдержать. Миллионы погибших говорят сами за себя. Братоубийственная гражданская война, революции унесли самых достойных и лучших. И власти (так было во все времена) ведут себя по отношению к народу не лучшим образом. «И от любви бывает больно...», — пишет Рачков былинным белым стихом. И вслед за Василием Шукшиным потрясённо думает: что с нами происходит, почему душа мельчает у того, у другого, у третьего, у тебя самого? В 1999 году Рачков пишет стихи о том, как в оны годы по чьему-то приказу была проведена санитарная чистка столиц и больших городов: «Солдат, обрубленных войной, // Всех подмели... «Их всех, за честь родной земли // Под бомбы ставших и под пули, // Не отмолили. // Не смогли. // И рухнул мир не потому ли?» Другая крайность по отношению к фронтовику. «Он брал Берлин», а ему, судя по всему, уже в горбачёвские времена пришла «посылка из Берлина» — стена-то, дескать, рухнула: «Носки. Бельё. Гушёнка. Шоколад. // Ведь вы давно не видели всё это...»

*И гневом исказился гордый лик.
Заплакал он
И в землю что есть силы
Ударил костылём, и в тот же миг
Зашевелились братские могилы...*

А вот другой фронтовик, внук предыдущего, чудом вернувшийся из Чечни «без ноги, // с душой угрюмой»:

*Стучит костыль
о пол трамвая.
Скрипят на стыках тормоза.
И каждый, мелочь подавая,
Отводит
в сторону
глаза...*

Не могу не пересказать и «Притчу», написанную Рачковым в 2001 году, словно в переключку с ещё здравствующим тогда Юрием Кузнецовым.

*Может, это придумка — не боле.
Вышла древняя бабка на свет.
И взглянула на русское поле:
Что такое? А полюшка нет.*

*Удивилась. И слабую свечку
Подняла чуть не к самой звезде.
Посмотрела на синюю речку.
Что такое? А реченька где?*

*Бабка вышла, конечно, из Леты.
Если хочешь, возьми и проверь.
Оглянулась. Ах, батюшки-светы,
Тут погост был. И где он теперь?*

*Кобылицами ржут магнитолы.
Всюду моники вместо марушь.
Это что же, неужто монголы
Возвернулись с Мамаем на Русь?*

*Где же ты, молодецкая сила?
Но ни песен родных, ни знамён.
... И плиту над собой затворила —
До иных,
До победных времён.*

И не пробуйте упрекать Рачкова в верноподданничестве режиму, господу правозащитники, — не получится. Одна из задач истинного поэта, поставленная перед ним совестью, называть вещи своими именами. Он всегда — тот самый юродивый Никол-

ка из знаменитой пушкинской трагедии, который говорит правду царю Борису. И это свойство пришло к нему из глубин народного духа:

*Травы шумят и ветки,
Тонет в пруду закат.
Чувствую: это предки
Что-то сказать хотят.*

И — говорят:

*Ты погляди окрест,
Так уж заведено:
Каждый несёт свой крест,
Сколько ему дано.*

И — «глядят доверчиво глаза // сквозь все режимы». Глаза погибшего на фронте отца Коли Рачкова, глаза его бабушки, которая помнит

*Хлеб да любовь... Сыновья расцвели,
Соколы были, да только
Все на солдатское поле легли —
Сашенька, Боренька, Колька.*

*Муки такие — хоть камень на грудь.
Жить не хотелось, но — внуки...
Бабушка, кто бы я был, позабудь
Голос твой, слёзы и руки!*

Они глядят доверчиво на весь мир, а прежде всего — на потомка-поэта, которому и заповедано сказать о них правду. Правду о том, почему

*Другие уже не смогли бы.
Другие.
Но только не мы.*

... О лирической наполненности свода стихотворений Николая Рачкова надо писать отдельную статью. С этой задачей, надеюсь, справится профессиональный литературный критик, а не стихотворец-практик. Я могу лишь искренне восхищаться его шедеврами, радоваться его точному слову, его чуткому, любящему сердцу, интуитивно слышать его музыку, которая кажется мне родной, а иногда и завидовать — дескать, те или иные стихи или отдельные строки мог бы написать и ты, потому что чувствовал так же и то же, а написал он. Да что там говорить, окупитесь сами в красоту русского слова:

*У тамбовских колодцев,
Кубанских криниц
Неожиданно,
жаркой зарницы короче,
Из-под долгих, как сон,
византийских ресниц*

*Обожгут
васильково-славянские очи.*

Это душой поётся! Как и это:

*Вот и речка потемнела, вот и речка.
Завтра схватит её плечи тонкий лёд.
Вот и жизнь,
как будто с пальчика колечко,
невзначай, того гляди и соскользнет...*

Поэт Николай Рачков не жалуется на судьбу. Его литературная карьера вполне сложилась, книги выходят, и премии он получает. Только вот мне отнюдь не его, а русского и российского читателя жаль. Не доходят мизерные тиражи его книг до нашей глубинки, до школьных и вузовских программ. Не звучит его голос по радио и на телевидении. И виноват в этом не поэт, а государственные чиновники и их прихлебатели, не допускающие проникновенное русское слово до народа. Впервые в российской истории случилось так, что проигрывающие матч за матчем футболисты-миллиардеры оказались для власти предпочтительнее нищенствующих поэтов. Есть, конечно, прикормленный властью, так называемый кремлёвский союз писателей, состоящий из нескольких десятков привилегированных особ, которых возят по заграницам, которым устраивают книжные ярмарки и презентации, которым вручают премии, иногда — Государственные. Скажите, кто из русских писателей (из русских, а не русскоязычных!) в последний раз получал Государственную премию? Мне помнится, В. Г. Распутин, ныне покойный. И было это давненько. А прикормленные, как ни странно звучит, иногда ещё и «воюют» с «путинским режимом» где-нибудь на Болотной площади. Неладное что-то творит наша власть в своём отношении к литературе и патриотизму...

Что ж, приходится повторить — каждый несёт свой крест. Я не сомневаюсь, что поэзия Николая Рачкова живёт сегодня и будет жить всегда. Сила её в правде и красоте. Об этом пишут в кратких предисловиях к книге «О родине, о жизни, о любви», изданной в ИПК «Вести» (Санкт-Петербург. 2015) тиражом 1000 экземпляров, многие известные деятели современной русской литературы и, прежде других, председатель Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев: «Николая Рачкова надо знать. Он народный, национальный поэт России. Он из её глубин, он от её истоков, от земель нижегородских, от дорожек Серафима Саровского. А затем наша западная столица — Санкт-Петербург, Ленинградская область...

И стихи, стихи о родной земле, о любви, о природе, о служении Родине, о подвиге, об истории. Просто, естественно, легко, с чуткой ответственностью за сказанное. И ещё какое-то постоянное свечение, радость, грусть, но с надеждой, даже с уверенностью, что «будет тяга к родному, кровному, вспыхнет светом любви очаг...»

Есть среди кратких предисловий и отклики того, кого мы называли совестью русской литературы, и с кем недавно простились. Это Валентин Григорьевич Распутин, считавший Рачкова одним из лучших современных русских поэтов. Между ними была переписка. И вот что в одном из писем Валентин Григорьевич сообщал Николаю Борисовичу: «... Опять читаю тебя и завидую: как хорошо! Ненавязчиво и точно, всё, казалось бы, мы уже знаем, ничем нас не удивить, и почти всё ново и точно, без чего нельзя. И нигде никакой навязчивости, повсюду то, что искала душа.»

Без чего нельзя... То, что искала душа... Точнее не скажешь!

Николай АЛЕШКОВ